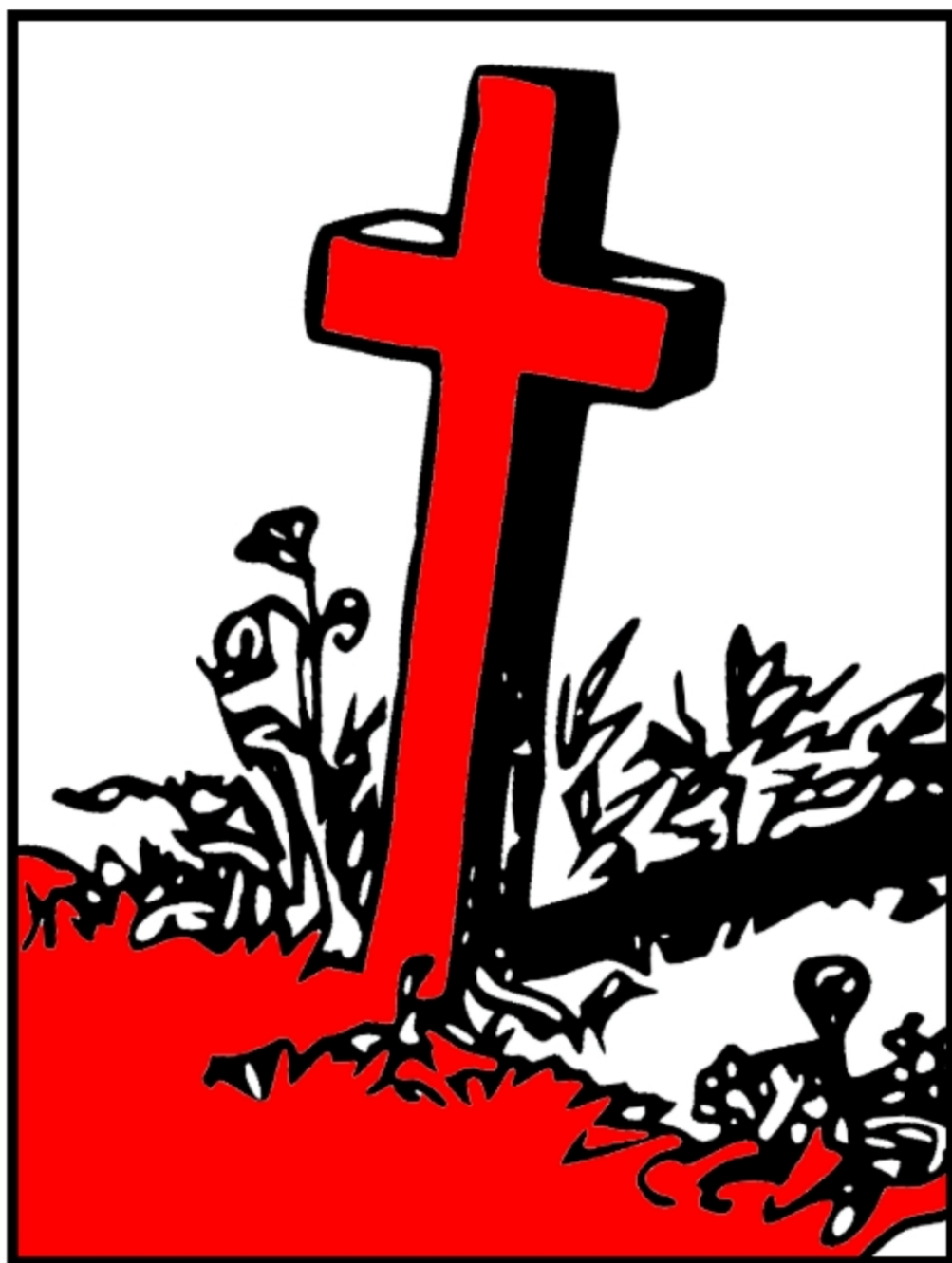

ПОРОЖАЁННЫЙ

И ЕГО ОАЕРЖИМОСТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Иван Громов

18+

Иван Громов

Порождённый

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Громов И.

Порождённый / И. Громов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Сборник ранних рассказов начинающего беллетриста Ивана Шишлянникова (Громова). В 2020 году он был номинирован на премию "Писатель года 2020" в разделе "Дебют". Рассказы сборника представляют собой тропу, что вела автора сквозь ранние годы жизни. Ужасы, страхи, невыносимость бытия - вот что объединяет красной нитью все рассказанные истории. Каждый отзыв читателей поспособствует развитию творческого пути начинающего автора. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Зырим в предисловие	5
Ныряем в первичный бульон	7
Струны мерзкой жизни	8
Фуга	9
Лестница Якова	11
Ножное сало	14
АРЕВ	17
Иов-1	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Иван Громов

Порождённый

Зырим в предисловие

Вы знакомитесь с художественным произведением, а потому относитесь к нему так, словно это набор разрозненных историй, которые пытаются обрести себя и своё место в этом большом мире. Произведение не пытается задеть чувства думающих или оклеветать определённые группы людей.

– «На наших глазах ежеминутно происходит масса событий. Прислушайтесь к миру вокруг вас. Каждая пылинка, каждый кустик, каждый камушек рассказывают свою историю. Все они удивительные рассказчики» – скажу я вам.

Правда так вышло, что с реальности приходится периодически срезать нарост ложного понимания. В наше время мир стал казаться людям многоэтажным панельным домом, каждый этаж которого источает лишь серость и бледность. Постепенно его обитателям начинает мерещиться странная идея: идея того, что многогранный мир способен уместиться в кучке серого вещества, которая зовётся мозгом.

Никто не будет с вами спорить, если вы захотите узко мыслить. Решение повесить на реальность занавес и отдалиться от истины – ваше решение, так что у каждого из вас развязаны руки. Это ваша жизнь и ваше право.

Однако, не стоит натужно пытаться дистиллировать узкое мировоззрение; не нужно кристаллизовывать свои субъективные представления о мире, чтобы потом создать на их основе вакцину от влияния невидимых вибраций струн, музыка которых способна рождать целые вселенные.

Вселенные, что существуют вокруг нас и внутри нас. Раствориться в обыденности узколобого взгляда на мир – это одно из самых страшных преступлений, если брать для вердикта эстетический, а не этический закон.

Мир вокруг сложен, несмотря на все попытки рационализировать или теологизировать его; есть сотня разных измов (теизм, атеизм, пантеизм), но от существования всей этой мишуры реальность не стала менее загадочной.

Иммануил Кант зрел в самый корень – он видел, что все наши мысли субъективны.

Такова реальность: человечеству многое не дано познать, но научная элита, что просиживает свою жизнь в кабинете, априорно считает мир ясным и понятным явлением.

Они никогда не видели реальную жизнь, но посчитали, что видеть уже особо нечего.

Все они хрупки, и именно поэтому что-то новое порождает деятельные практики, которые хотят всё дальше и дальше шагать за горизонт.

Не стоит думать о том, что мы пытаемся поставить под сомнение научные выкладки. Мы лишь хотим, чтобы вы слушали не только истории учёных.

Вокруг есть масса объектов и явлений, с которыми стоит познакомиться для расширения своего кругозора. Например, давайте попросим микроба рассказать свою историю, пусть и он поделится своим мнением обо всей этой ситуации.

Микроб аккуратно начинает свою речь – «благодарю, что дали мне слово. Что же, должен сказать, что феномен жизни удивляет меня и по сей день. Когда-то мои предки формировались в грязевых источниках, и жизнь в этих неприметных местах была ключом. Она и сейчас кипит повсюду, даже в вашем желудке, просто вы не хотите этого замечать.

Вам многое не дано видеть, что уж и говорить про сам процесс понимания. Хотя вы усиленно отрицаете факт того, что ваши интеллектуальные способности переоценены.

Старайтесь всегда помнить о том, что ваше место в мире имеет свои ограничения и особенности. Эволюция ещё идёт, и скорее всего вы являетесь очередной переходной формой. Может быть вселенная стоит на пороге появления нового человека. Спасибо за ваше внимание».

Удивительно, как же так вышло, что простой микроб знает больше нас с вами? Порой мне кажется, что люди не способны смотреть вглубь вещей. В детстве мы так глубоко погружаемся в реальность, что она пестрит множеством существ и событий. Вот бы сохранить эту привычку и во взрослом возрасте.

Хватит ходить вокруг да около, многие люди не видят дальше своего носа. «Доктор Фрейд, я не знаю кто я, помогите же найти своё место в мире» – думается, что большинство использует психологов именно для этого.

Они не способны самостоятельно пройти то, что Юнг прозвал «индивидуализацией», а это, между прочим, один из важных этапов формирования обособленной личности.

Выходит, что безликая толпа заполнила собой жизненное пространство и теперь пытается навязать нам своё мнение?

Они понимают довольно малое количество вещей в этой жизни, а потому им приходится использовать сотни ярлыков для разнообразных проявлений реальности.

Про таких людей можно сказать, что они хрупкие, ригидные, пустые. Наша же задача – стать антихрупкими, научиться осознавать всю непонятность мира и использовать умеренный стресс окружающего мира для своего развития.

К нам приближается какой-то человек, прошу прощения. «Добрый день, Людвиг. Что это у вас в руках? Вы хотите наградить нас метафизической лупой? Благодарим вас, она нам ещё понадобится!».

Если вы ещё не поняли, то это был сам Витгенштейн, видимо идёт на встречу с мистером Бертраном Расселом.

Итак, теперь у нас есть специфичный инструмент. Но как же им пользоваться? Очень просто – стараться рассматривать объекты во всей их сложности, и помнить про то, что у них есть как минимум 12+n измерений.

Простой практический пример – лист. Давайте узнаем то, что он может нам рассказать. Лист с учёным видом пытается нам напомнить простую истину: «фотосинтез имеет огромное значение для экосистем, поскольку от него зависит баланс кислорода и углекислого газа».

Мы, конечно, это знали когда-то. Выучили на уроке биологии и забыли. Удивительная вещь, мы так сильно зависим от кислорода, но даже этого не хотим замечать. Не хотим замечать глубокой детерминации окружающего мира, что в итоге приводит к тому, что мы ничем не отличаемся от животных.

Нет-нет, у нас отсутствует цель оскорбить их. Мы лишь хотим донести до вас простую истину – найдите в себе силы и мужество рассказать себе и окружающим свою историю, какой бы она не была. Так поступила героиня этой книги – Болезнь. Она решила рассказать нам свою историю: тяжёлую, непонятную, но крайне занимательную.

Ныряем в первичный бульон

В первичном бульоне происходило какое-то движение. Безумные творцы разукрашивали мир своей кровью и слюной. Все самые низменные поры тела – это основа той жизни, которую текущее общество узаконило. Но жизнь страдала от нимфомании, однажды мы совокуплялись с ней в грязном переулке.

Я одним движением усадил её на мусорное ведро и содрал её бельё. Мы начали биться в судорогах сексуальных девиаций, её менструальная кровь смешивалась с моим потом.

Отмирающая яйцеклетка поглотила волну сперматозоидов и кометой направилась к земле. Гравитация жёстко прижала её к асфальту и раздавила все её внутренности. Биологические жидкости стали тем раствором, что я заливал в свои глаза.

С меня стекало семя и слёзы счастья, выходило, что я стал прообразом первой молекулы РНК, которая затем продавалась каждой встречной бактерии.

Проблему я любил и тоже был одержим ей отчасти. Порой невозможно было определить размытые границы моих чувств и чувств порождённого. Если попытаться ответить на вопрос – кто он такой? То ответа, конечно, не последует.

В отличие от обывателей, мои чувства не претендуют на полную объективность. Тоталитаризм по сей день имеет большинство человеческих жуков на этой планете, что совершенно меня не радует.

В моей голове находится мозг, весом в полтора килограмма. Но его форма, цвет, возраст никак не влияют на мои сексуальные отношения с истиной. Большинству людей кажется, что она обычная давалка, которую каждый имеет по своему усмотрению или желанию. Я же скажу лишь о том, что практически ничего не знаю. Только бубонная чума способна дать ответы на мои вопросы.

Бубоны земли нагнаивались и лопались, что играло мне на руку.

Я постоянно копошился в этой грязи и пытался попробовать истинную суть жизни на вкус. Она горчила. Однажды порождённый сказал, что жизнь подобна рабиесу, т. е. вирусу бешенства.

Он смотрел на людей вокруг, а они пускали пену изо рта и кусали друг друга.

В судорогах они умирали и глотали несъедобные предметы: желчь и флегму. Прав был только ипохондрик, что постоянно резал свои руки и искал там некоего Деуса.

– «Док, слышишь? Мы с тобой обязательно умрём и разложимся.

После смерти наши молекулы встретятся и станут основой для вируса бешенства.

Наша с тобой любовь будет пеной и слюнями распространяться по мозгам других существ».

Сука и проблема – это суть одно. Нам вечно приходилось за ней гнаться, ведь без неё мы не могли начать свой копрофильский поход против смысла и одержимости. Все вокруг и так копошились в нечистотах, делая вид, что они лучше навозных мух. Нам такое было не очень-то интересно, так что мы изначально лезли в самую глубокую отхожую яму.

В порыве романтических сношений с музой, мне думалось о моей любви к живому и мёртвому. Больные лёгкие порождали только одно изречение, которое и по сей час крутится в моём желудке:

«Я хотел бы выжигать твои глаза паяльником;

В экстатической спайке с тобой облизывать мёртвую плоть;

Я хотел бы быть тем светом, что кластерной болью ведёт к твоему суициду;

В экзотическом танце зачать от твоей яйцеклетки аморфное нечто;

Жизнь – это тварь, сука, шалава, бл*дь, давалка, шлюха, ничто.

И за это я твоё постепенно мертвеющее тело люблю».

Струны мерзкой жизни

Тут мочатся на жизнь, а потом умываются грязью. Если тянет сплевывать, то только в свои же ладони.

Фуга

«Затрахал ты уже. Достал всех. Из-за тебя у нас нет никакой жизни. Ты лишь пыль на ботинке Деуса.

Плод изнасилования, который никто не чаял в этом мире. Сотни таких были оставлены в абортарии, но ты, сука, родился».

Одной рукой я отогнал эти мысли от себя, ведь помощи от них ждать не приходилось. Я шёл, нет, бежал на кладбище. Мне было нужно попасть туда и как можно скорее. Казалось, что весь угол обзора был направлен только в одну точку, в то место, где сбывались мечты.

Перед собой я видел улицу, которая стрелой неслась навстречу славе. Она была готова уничтожить любого на своём пути. Ей хотелось прославиться, она была готова давить тараканов, тараканов, тараканов.

«Тварь, мразь, падаль. Сука». Они гнались за мной, как же я хочу от них убежать. Мне хочется быть свободным. Фуга, помоги мне!

Кладбищенские ворота манили меня, их стройное сложение взывало к моим чреслам. Вот бы обхватить их своими руками, потрогать эту нежную кожу, провести шершавым языком по ланитам. От возбуждения забор оцетинился острыми колышками, сверху кто-то сбросил на них собаку.

Она упала с большой высоты и брюхом напоролась на острую ограду. Визг перетёк в хрипы смерти. Смерть любила сношаться со своими жертвами, именно от неё ведут свое летоисчисление некрофилы. Я не один из них, но мне так хочется оказаться среди этих камней, быть замурованным в них, смотреть на разложение сотен тысяч людей.

Фууугааа – кричу я в приступе оргазма. Как же мне хорошо, как же хорошо миру вокруг. Я вижу, как синтетический белый ретровирус начинает всасываться в вены.

Стремительным потоком его РНК несётся прямым в мозг. Ещё чуть-чуть и крышу готического собора скинет на толпу язычников, которые празднуют очередную смерть девственницы.

Фуга, фуга, фуга, фуга, фуга, фуга, фуга, фуга – меня трясёт в припадке, так сильно я хочу стать её частью. «Ты чего там жрёшь? Да у тебя же глаза горят от экстаза! Какая ты сучья гниль, ни с кем не делишься огрызками детской плоти». Память отдай мне моё, я хочу снова сидеть на стуле в морге и смотреть на мёртвые тела.

Вот и вскрывают упавшую собаку, раскрывают её грудную клетку и пускают туда меня. Я нахожусь внутри живого существа, сердце в учащённом ритме отсчитывает дни моей жизни. Она убегает, как и Фуга.

Начинаю жадно кусать желудок, душу себя всеми мотками кишок. Да вырвусь же я наконец из плена тревожных мыслей. Дайте мне лопату, и я изменю мир! Копаю могилу мёртвой пироманки, она облилась бензином и сожгла свою плоть, но я могу восстановить её.

Чёрное тело стало пристанищем для белых наростов и жирных аскарид. Они мирно общались о будущем человеческой нации, а я заглатывал их по частям. Вместе с Фугой я должен был слой за слоем съесть огрубевшую кожу. Проглотить весь гнойный смрад и обмазаться выделениями из пустых глазниц.

Если долго копаться в её дерме и кишках, то можно найти душу. От чесотки начинаю блевать клещами, которые растекаются по её скелету. Фуга жрёт мои ноги, душит меня целлофановым пакетом. «Затрахал ты уже. Достал всех. Из-за тебя у нас нет никакой жизни. Ты лишь пыль на ботинке Деуса. Плод изнасилования, который никто не чаял в этом мире. Сотни таких были оставлены в абортарии, но ты, сука, родился».

Постой, не надо, я лишь хочу убежать!

Я знаю, что этот мир прекрасен, незащищённый секс приматов с ДЦП породил глаз Земли, я видел этого Творца в синей олимпийке. Ты многое теряешь, потому что без меня не начнутся значимые перемены.

Дай мне ещё немного времени, я вдоволь наемся перегноя, смерти, червей, а потом убью твою мать. Фуга, я так хочу убежать...

Лестница Якова

Давайте мило возьмёмся за руки и спустимся. Мы опустимся на...

Минус десятый заусенец.

В этом месте необходимо прислушаться с угасающему стуку сердца. Умирает очередная жизнь, в грязи из сожалений, с лицом, забрызганным белыми каплями смысла. Уже известно, что пограничные состояния сознания привлекают разных извращенцев, пользующихся конвульсиями для получения удовольствия.

Здесь темно и еле-еле горит лампочка, которую уже давно вставила позабытая пенсионерка. У неё был выбор: купить лампочку и осветить свой путь или же что-то поесть. Путь она себе осветила – факт. Возможно, что дикие крики шли из её квартиры. Не смогла она долго терпеть выходки своего отравленного внука. Дело дошло до того, что он прикуривал от пуговицы. Она же замахнулась своей дряблой рукой и топором для мяса пробила его череп. Хорошие получились пирожки, окружающие беспризорники ели их с большим удовольствием.

Иногда хочется спускаться по ступенькам навстречу вечной тьме. Мне кажется, что она ждёт всех нас, хотя приходится усиленно прятать страх под одеялом и бить сверху кулаками. Бить его до тех пор, пока не образуется травма в черепе. На этом этаже однажды застрелился пьяница. Кто его убил: делирий или дробь?

Мозги расползлись по углу и смешались с мочой, копившейся здесь уже давно. Приятно смотреть, как бездомная собака аккуратно слизывает всё это. Ей так мало достаётся в этой жизни. А лестница всё так и тянет меня вниз...

Приятно слышать звуки тяжёлой ссоры за окном, это так здорово понимать, что разрушается ещё одна пара ленточных червей. Он приходит домой под солями и лезет ей под юбку, а она не хочет пускать его разлагающийся плод похоти в себя.

В её животе уже давно живёт что-то и злость одним ударом в живот заставляет срыгнуть это. Прямо ему в лицо.

Как хорошо смотреть на процесс убийства очередного жука, которого я с радостью давлю своим большим пальцем. Вот бы иметь возможность раздавить так и остальных. Может ты откроешь мне, девочка? Пустишь в свой изумрудный город. Хотел бы знать, что конец уже рядом. В том мире, где живу я, только готовность к концу и радует мою худую и бледную плоть.

Очередной выблядок устроил пожар на этом этаже, скоро огонь накроет своим одеялом всех замерзающих. Девочка, ты теперь будешь гореть, а в таком случае и я оттаю.

Восьмой этаж.

Она в очередной раз снимается в ролике с животными. Ей так хочется помогать больным детям, что она продаёт своё тело на потеху публике. Деньги идут на еду и игрушки для детского дома. Мне хорошо здесь. Радостно знать, что в квартире с горами мусора умерла старушка. У неё не было семьи или близких, так что её тело будет разлагаться вместе с тем барахлом, что она сюда натащила. Плоть почернеет и покроется струпьями, лицо прогниёт до самой улыбки смерти, а оттуда неуклюже побегут тараканы. Иногда я ел тараканов и слушал их хруст у себя в ушах.

В одной из квартир подросток потихоньку травит свою мать крысиным ядом.

Она парализована и не может сама вставать, а он небольшими порциями сыпет в её еду отраву. У неё уже начал покрываться язвами желудок, гнилостный запах доходит и до лестничной клетки. Это вызывает у меня бурный прилив сил. Я здесь чувствую себя как дома. Многодетная семья восклицает диким визгом. Братья в очередной раз издеваются над своей сестрой. Они связали её и теперь льют на лицо бедняжки воск. С каждым куском воска отходит и часть её самости.

Здоровье проходит сквозь мясорубку и сыпется ядерными изотопами с неба. Эта стадия доведёт её до состояния ходячего трупа. Будет казаться, что она ещё жива.

Но со смертью мозга всем нам придётся покинуть насиженные места и отправиться покорять новые рубежи. Возможно, что мы будем погружаться все глубже. Видеть, как кто-то согревается сжиганием братьев своих меньших. Они корчатся и бегают по кругу от боли. Кому-то от всего этого становится смешно.

На моих глазах человек обливается бензином из советского тазика. Холодно настолько, что сепсис жрёт тело в приступе очередной булимии. А потом все клетки будут мыльным пузырями лопаться и оседать на стенах. Вот бы эту кровь вобрал в себя клещ и передал её мне. Танец с энцефалитом воспалил бы связки моего мозга и мне пришлось бы танцевать до самого заката человечества.

Шаг первый.

Вместе с горящим человеком спускаемся в самый низ и видим лучшие проявления души человека. Шизуха молниеносно сожрала одного из жильцов этого дома и позволила ему разделаться со своей семьей. Так было отрадно, так легко, что голова сама отделилась от тела и вызвала рефлекторный крик у паука с человеческой головой.

Он полз по перилам и вибрировал в такт с умирающей рысью, которая проиграла свой очередной бой гремучей змее. Нет девиации в том, что на этом этаже царит разврат и содомия.

Кто-то делает дырки в глазах и вставляет туда половой член, а некоторые умудряются поместить венчик от блендера во влагалище. Им ведь уже некуда девать трупы и поэтому они копят здесь. Постепенно всё начинает заполняться водой и люди в водолазных костюмах активно светят своими большими глазами в потухшие источники света.

На этой глубине идёт аморфный дознавательный процесс. Они пытаются поместить всё знание в границы одного шаблона: «в ушах вой тупой бляди. Что? Глазам не верю, но её гангрена стала явной. Шавка ты подзаборная, ну чего ты ноешь? 1:0 же. Он бьёт тебя и бросит после этого. Это же любовь, нет? Молчи, паскуда ёбаная. Жри таблетки, блядь. Пихай в себя до тех пор, пока не будешь плевать кровью.

Руки-то трясутся у тебя, шлюха. А как же идея счастья? Сколько счастья в мире, хуйло? Это знать надо, шваль! Скули, как сбитая проשמандовка».

У лестницы.

С каждой ступенькой становилось всё тяжелее расставаться. Видел тут и избиение стариков, и разбитые судьбы, и убийства собственных детей. Почему никто не хочет следить за собой и за своей жизнью? На моих глазах из одной квартиры выскочила газель и переехала маленькую девочку. Она отскочила в сторону, а газель прошла по её ногам. Мужчина в жёлтой шляпе уверенно запрыгал от радости. Это не делало мне чести, ведь братская любовь – миф. Как и избиение педофила прутом.

Он из-за лестничных перил мастурбировал на двух девочек с котятами, а мужики скрутили ему руки и начали больно хлестать по ягодицам.

Созрел один совет – не употребляйте метадон, он вредит вашему здоровью и вашей смертной душе. Вот и сейчас очередной обрыган находится уже на грязном пороге смерти и слизывает серый иней с её сапог. А она давит белки его вытекающих глаз.

Бейте его, да посильнее. Они настолько невзлюбили нового жильца, что ударили его заточкой в живот и скатили тело по лестнице. Брезгливо пришлось отойти в сторону. Так мы и пятимся по этой бесконечной лестнице Якова, создателя её.

Сами мы тут ничего не делали, но так хочется прижаться к этим ступеням и почувствовать в них родное дыхание. Мне так хочется плыть на этой улыбке дальше и воспевать её:

– «Ты нечто чудесное в моей жизни;

Я хотел бы прижаться к твоим тёмным сторонам;

Ты вирус, что вызывает в моих клетках цитокиновый шторм;

Я хотел бы пустить твою плазму по своим венам;
Ты мутная капля света, что упала со лба агонизирующего тела;
И я люблю тебя, ибо ты – жизнь».

Ножное сало

Грязный дождь и великая река скорби. Тут растёт изморось, которую приходится поливать антифризом.

На деле всё это лишь отголоски сбитого существа, чья голова лопнула хохотом от столкновения с фурой. Эти осколки дерева отсылали к чему-то порочному, каждый из них пробил насквозь тело и рентгеном показывал улыбки костей. Их очень легко раздробить, если знать верные указатели. Не каждому слову можно верить, ведь у слов нет отражений, как и у некоторых людей.

Холодный туман скалится и кричит что-то о ксенофобии, ему ненавистно, что его дары потребляют все. Он бы хотел, чтобы люди питались лишь нефтью, ибо она уже льётся и из мертвецов, которые тащат свои могилы на чужом горбу.

Попрыгай на мне ещё немного, и мы сможем упорядочить хаос, пока я просыпаюсь после приёма бензодиазепинов. Время вымерло и метаболизм остановил холод.

Цветки мака живут со мной поблизости. Расскажешь что-то? Хотелось бы услышать про жризм, про педофилию, про секс с животными. Есть нечто про восставших трупов, с которыми тебе пришлось сношаться? Вот бы послушать про то, как ты влезал в шкуру ленточного червя и поджидал жертву у камина. На рогах лосей головы ты жарил человеческую плоть, а потом ещё и варил её. Быть может, что так будет вкуснее. Жаль, что рёбра были сломаны и сверху на бездыханном теле инвалида всё прыгал и прыгал какой-то социальный работник. Что?

Она мне язык откусила. Да нет же. Всё состоит из языка, а по нему ползёт гремучая трахея. Этот слайс только и плодит слова, а смысла нет и следа времени не отыскать. В нервных окончаниях попытался пошариться и найти остатки вербального уровня. Эмоциональный интеллект в ротовой полости не срабатывал, хотя плоскогубцами я дёргал самые старые зубы.

Они вырывались гейзерами крови и орошали лица мои племянников зелёной кровью. Кислотная среда всё равно разрушала эмаль.

Прижёт себе язык и начал пережёвывать его. У меня в комнате лежит нога, покрытая опарышами. Называю этот прожект – ножное сало. Каждый раз хочу есть и жадно глотаю кипу опарышей. Они не хрустят, а извиваются у меня во рту. Мёртвая кожа смешивается со слюной, и они попрыгунчиком скачут по стенкам. Каждый укус языка – новый шмат кровавых ошмётков. Жуёшь и белые комки стекают по носу, а из ушей льётся вода из старого трупа. Казалось, что там отравлено и токсично. Вздутые труп плывёт на поверхности и звонко пахнет.

Иногда голодаю, так как становится тяжелее сохранять гомеостаз. Такая история интересная. Забрался в гроб какой-то молодухи, что умерла от ОРВИ и укрылся её трупом. Тёрся об неё и рождал искры самой крепкой любви, она же не рассыпется, правда?

Если бы она села мне на лицо своей гнилой рукой, то все миазмы пошли бы прямо в мой мозг рептилии. Бей или беги, откуси её средний палец, ибо она не смеет так поступать с тобой. Струя крови ракетой устремляется в небо и красит небо в цвета застывшей крови. У солнца сдают нервы, и ядерным взрывом он плавит лица улыбающихся людей.

Улыбки становятся жидкими и отслаиваются, как и слои трупной кожи и сепсиса, гнилая нога же сыпется. Этот слой из падали и опарышей мажу на хлеб и стараюсь элегантно есть.

Мне так жалко холода, они каждый раз видят какое-то безумие в нашем мире. Чокнутый дед греется у картины с костром. Хорошо, что костёр греет слабо и он постепенно коченеет. Дети не могли сделать снеговика, ибо снег был жёлтый. Ударом биты они разбили деда, и его осколки начали ярко светить с неба.

Свет отражался от беззубых бомжей и устремлялся яркой кометой в сердца препаратных борцов за равенство. Они считали, что нет плохого клея, есть лишь хорошая интоксикация этого организма.

Известно, что смерть мозга разбивает ваши планы по походу в магазин и вы очень долго смотрите яркие мультики.

Там кружится туман, и танцует кровь. Мужчина стоит в проёме заброшенного дома и долго смотрит. А женщина яростно кричит, что убили её сына. Могильщики не стали долго копать могилу и грязными руками кинули туда труп уважаемого человека. Он получил восемь уважаемых фотонов себе в живот. Мы преисполняемся света и пытаемся научить других неугасимому огню, который суть почечный сосальщик и он тошнит на землю нашими останками. С этой башни я прыгну, если ножного сала больше не будет.

Мне ведь так не хочется потерять сквозь грязное стекло лабиринта и смотреть на похищение своих органов. Они не дают жизнь, а приносят смерть, ведь в каждом из них патология. Постарайся родить нечто в воде и пусть она станет красной. Видел, как вы сосались до самой его смерти. Даже во время глубокого приступа он показывал тебе свой язык. А ты пыталась помочь старому человеку, у которого и были забраны ноги.

Иногда кажется, что я могу перемещаться по телам и реальности, но ошибки людей уничтожают целые вселенные. Становится невозможно видеть чёрные дыры у себя в голове, лишь белые карлики вечно воруют у людей детей и отдают им свою девственность. Вот бы свети твою старую татуировку, но дедовскими методами. Если у тебя отойдёт кожа, то я смог её прожить и съесть.

Даже не подавиться, хотя света всегда бывает мало, и старая игла можно совокупить ВИЧ с семенной жидкостью. В каждый из стульев нервной системы был забит ржавый гвоздь. Так хотели призвать на пир столбняк, но призвали какого-то моралиста.

Да, тебя родили. Никто тебя не любил, а ты делал это в ответ. Хули нет? Так всегда было честно. Паразитом забираясь в её складки и насиживал там белые яйца.

Они вылупятся и будут есть её опрелости, а потом они парализуются и станет красивой подводной осой. В том месте, где бродит мой утонувший предок. Дела принимают интересный оборот. Если жертвуете собой, то помните, что в ваш гроб будут смачно плевать и харкать. Постараются откашлять вопрос и поскорее вас забыть. Она так и стоит там, в комнате уже живёт вместе с ней страшная вонь и большой таракан.

У них нет свет и кишечная палочка спичкой падает на кровь бензина, чтобы разжечь мизерный свет большого пальца и утолить голод Порождённого.

Он часто вопит от сотен иголок спидозного смысла. Все носком тыкаются в хорошие стороны мира и думают, что они их не выдумали. Глаза закрываются, и истинная картина сотнями ворон превращает их чучело в набор грязных тряпок, который будет сдан на благотворительность. Ключами трясущ перед лицом и съедаю бумаги, которые могут вызывать одержимость.

Большое количество таблеток может убить и людей, поэтому специальные крысоловы загоняют людей в ловушку одного общежития и сжигают их там своим напалмом. Мир горит, но я не хочу это видеть. Надо продолжать есть гниль и фурункулом катится по лестнице преисподнего заката. Когда сотня графитовых лучей оставит ожоги на теле бледного дня. Оставить след в этом мире и хорошенько потошнить, потому что часть энергии всё равно останется во мне.

Всё ещё жду взрыва новой ядерной бомбы, она буквально разорвёт тело изнутри и отключит разом живность, у которой большой коэффициент Фи. Давайте высчитывать смысл в числе Пи, ведь вы так готовы удавиться за десять рублей, что катятся смертным колесом по вагону уходящей жизни.

Вы ели с ней гнилое мясо, а закольцованная дорога никогда и никуда не приведёт.

Так и приходится колоть себя старой розой, оставлять клещей в ранах и ждать момента, когда мухи отложат личинки.

Целая волна опарышей накроет тело и будет резво кататься по каждому хрящу, а потом сухожилия взорвутся от возмущения и больше вас не увижу. Вы пришли не в то место, вы иуды и поэтому вас тянет блевать я девятого этажа, рождая рой грязных носков, удушающих саму жизнь. Ножницами они слилась и венами и перекусила забор, за которым возвещалась гигантская гора немытых трупов. Восстанут ли они? Решаем за себя.

Очередной укус бутерброда с ножным салом сладко отозвался струёй рвоты у пожарника, что топором душил сироту. Из его тела получится хороший опарыш, который со временем будет жить у вас дома. Я всё сказал.

АРЕВ

Именем Порождённого клясться не буду, ибо нет мне уже радости прижигать свои раны горячим воском чужих ударений. Хотелось бы пообщаться, рассыпать земляную соль по вашим рукам и смотреть на процесс её всасывания в организм. Тут нельзя быть в чём-то уверенным. Вера обещала быть со мной до конца, но сдохла раньше положенного срока. На её похоронах (а её просто сбросили с моста в воду) много мыслей стояло и смотрело вслед течению. Жаль, что она попала на крючок вины и была съедена домашними кошками.

И свет не светит. И не существует. Всё то, что воспринимается как свет – иллюзия ваших отсталых зрачков. Движения тьмы быстрые и резкие, скоростным болидом они разрывают ваши лёгкие и вы сплёвываете стружку, оставшуюся после крушения вашей железной надежды. Есть только капающая тьма, сползающая с перил и падающая вниз внебрачной ракетой земля-воздух. Её мурашки разбегаются по вашему телу и затрагивают даже те органы, что раньше не умели вставать.

Внимательно всмотритесь в каждый глоток света. Всего лишь спазм сосудов, которые вы боитесь увидеть.

Когда разъедающая кислота заставляет кричать вас от мук совести, проявляется картина полного отупления происходящего. В спайке отсутствующего света и тьмы рождается атомарная лампочка Ильича, которая и освещала всю жизнь ваш путь. Если бы вы изначально видели её устройство, то никогда бы не позволили хоронить себя в разноцветных гробах, которые конфетками высыплются из карманов химически кастрированных педофилов. Им больше нет применения и все ваши мучные изделия из добра становятся разом никому не нужными, их остаётся только вертушкой запускать с балкона и смотреть как летающие собаки жрут их огрубевшую плоть.

Салициловой кислотой стираю с себя пучки света и рассеиваю безбрежное море недоверия струёй тёмного горного солнца. Оно чёрного цвета, так как ему ни до кого нет дела. Паразитический смысл каждого индивида эхом скачет по пещере Платона и показывает ваш истинный дальтонизм, врывающий в серый цвет. Казнь серым градиентом должна сильным ветром сдуть вашу спесь и заставить поверить в тотальную перегнойку жизни, которая кусает и мелет вас, ведь вы никогда не были ей нужны. Случайный выигрыш в карты призвал вас к жизни, а очередная ставка вырвет ржавым шурупом и отправит на пахнущую помойку.

Так во что же и во что же смыслится и верится. Если всё закручивается в ураган бессмыслицы, то что должно поддерживать плечи ваши от неминуемого сгорания в лоне сверхновой? Пустота, что смотрит синими глазами прямо в ваше сердце и разбивает каждый орган на тысячи фрагментов. Осознание того, что вы и есть груз-200, отправленный в этот мир подыхать ещё раз. Вас кусают и жгут, мучают и хохочут, а вы плачете и радостно кричите. Это так забавно, так весело, когда сотни гнилых личинок плодят себе равных и никогда не обращаются к главному звену коллективного разума.

Мозг умирает уже при рождении и комья жира не позволяют заметить столь явную снежинку тьмы во всём многообразии смертей и праздников. Все плодят фракталы и разбивают пазл реальности на тысячи юзеров, что практикуют небезопасный секс. Весь мир заливается слизью и огромный язык метлой идёт по ней. А вы целуете рекурсию и просите её уйти, но он не покидает никого.

И с новыми силами выбрасывает вас из кровати и сбрасывает вниз по лестнице Якова. Как же так вышло, что никто ничему не нуждается. Все стараются оставить след в луже и эти грязные испарения молниями освещают их глаза.

Они идут толпой и понимают, что им уже не выжить. Им никогда не возрадоваться орошению или жатве. Они животные и всегда ими будут. Только электричество обладает разумом

и живёт, а все ведутся на гормоны и пакетную пачку химии, которая так и так будет колоть их в рёбра и сцеживать их кровь. Потом же патанатом просто вынет их органы и выбросит из окна, где коршун Прометея сожрёт их. Это значит только одно – ебу нигилистическую давалку. И салютным взрывом праздную очередной начало конца. Да будет так всегда, гори информация и пеплом сыпья в отравленную кашу. Там и встретимся.

Иов-1

Иов-1 был послан в мир, который строился на костях чернорабочих, умирающих от деменции, что сжимала их прошлое. Из их глаз уже не текли слёзы, соединяющие их с миром разрушенной нервной системы.

Она бала похожа на недостроенное здание времён Сталина, на костях отбросов танцевала смерть и выкуривала чью-то легочную ткань. Ткань пространства белая и мягкая, птицы выкладывали органы погибающих человеков. Зачем ты приобретаешь так много, всё будет потеряно.

Утеряно, разрушено, съедено. Сладкая струя крови стекает по ушам и вызывает к мурашкам, которые видели твоё недостойное поведение. Они видели движения твоего языка, смеющегося в секционном зале.

Анатом вскрывал плоть твоих рук и играл на жилах, они пушились и казались очень мягкими. С них же ещё течёт кровь, слижи её, Иов-1.

Посмотри, как они сжирают сами себя, режут куски с твоего лица и давятся хрящами ушей. Тут все и всё теряют, потеряешь и ты.

Даже тот шанс, что ты так тихо спускаешься в гробу на самое дно интернета, будет раздавлен.

Этот гидравлический жизнепресс давил каждого скорпиона, жалящего подобных тебе.

Посмотри на тёмные завихрения и грязные хлопья снега, есть знание того, что сквозь замочную скважину ты зрел совокупление кошки и собаки. Труповозка каталась по району и собирала грязную и облезшую плоть. Почему становится так темно и холодно, Иов-1? Давай проводить лоботомию границам языка. Пытаться вырваться из гниющих уст, кусай сам себя за хвост. Читай последовательно и внятно.

Резак, раз, линия, тождествил. Кровь, верб, на могиле, альный. Мотылёк, уро, смертельный вихрь талантов, вень. Там тебя хоронят.

Ты Иов-1 и дал тебе шанс не жить так, как живут многие. Посмотри на липучку с мухами и погрузи её к себе в рот. С каждым разом всё чище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.